

прежнему близок, интересен, иными словами – жив.

Последняя же публикация номера и вовсе вносит струю карнавального смеха в архетипический сюжет о смерти и воскресении: в том же первом номере журнала «Пионер» за 1937 год начинается публикация романа А. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля». Непотопляемый капитан, чья «Победа» постоянно оборачивается бедой, а фатальное невезение – напротив, несомненным триумфом, составляет характерную смысловую рифму главному герою выпуска. Так юбилей смерти превращается в торжество бессмертия, а поэт, погибший столетие назад, – в актуального героя советского культурного ландшафта.

Используемая литература

1. Блок, А. О назначении поэта / А. Блок // Блок, А. Соч. в 2-х т. Т.2. – М.: ГИХЛ, 1955.
2. Блок, А. Пушкинскому дому / А. Блок // Пионер. – 1937. – №1. – С. 14.
3. Григорьев, С. Последний за всех / С. Григорьев // Пионер. – 1937. – №1. – С. 5-13.
4. Маяковский, В. Убийца Пушкина / В. Маяковский // Пионер. – 1937. – №1. С. 47.
5. Пушкин // Пионер. – 1937. – №1. С. 3-4.
6. Смирнова, В. Рассказы о Пушкине / В. Смирнова // Пионер. – 1937. – №1. – С. 15-33.
7. Червонский, О.П. Инженеры человеческого тела / О.П. Червонский // Пионер. – 1937. – №1. – С. 48-53.

*Ю.Ю.Дедюхин
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: д.филол.н., профессор
Г.П.Козубовская*

МИФОЛОГЕМА ТЕНИ В ПОЭЗИИ К.Н. БАТЮШКОВА

Аннотация

Исследуется мифопоэтика К.Н. Батюшкова на материале элегии «Тень друга». Лирическая ситуация встречи с другом рассматривается в историко-культурном контексте с учетом многообразия философских, мифологических и др. смыслов. Показана полисемантическая и полифункциональность тени.

Ключевые слова: Константин Батюшков, мифопоэтика, мифологема тени,

полисемантическую, полифункциональную.

Мифопоэтика русской литературы – область по-прежнему малоисследованная. Исследования по мифопоэтике К.Н. Батюшкова существуют, но мифологема тени в поэзии Батюшкова не привлекала внимания ученых.

Цель работы: исследовать мифологему тени в лирике К.Батюшкова.

Объектом исследования является лирика К.Н. Батюшкова.

Предмет: мифологема тени в поэзии К.Н. Батюшкова.

В работе применены историко-культурный и биографический методы с привлечением мифопоэтического подхода.

Научная новизна работы состоит в том, что предпринят системный анализ мифологемы тени в поэзии К.Батюшкова, с учетом многообразия контекстов.

Элегия «Тень друга» справедливо считается шедевром К.Н. Батюшкова. Однако И.Л. Альми заметила, что признавая совершенство элегии, о ней писали очень мало: всего несколько точных замечаний содержатся в работах И.М. Семенко [10], В.В. Виноградова [4], В. Ржиги [9]. К этому можно добавить разбор этой элегии И.Л. Альми [2] и Г.П. Козубовской [7].

Элегия посвящена другу Батюшкова, который погиб в битве под Лейпцигом в 1813 году. Смерть И.А. Петина стала страшным ударом для поэта.

Сюжетный центр элегии – явление призрака – мотив, достаточно распространенный в мировой литературе. Лирическая ситуация, в рамках которой развивается монолог героя, – встреча с тенью погибшего друга.

Мотив прихода мертвого – повторяющийся в культуре, восходит к мифологии и фольклору (различные легенды, предания, былички [5; 11]). В демонологических поверьях славян мотив хождения «оживших» покойников считается одним из наиболее популярных. Визиты покойников к людям, по народным воззрениям, опасны тем, что покойник старается увести за собой близкого человека, который сильно тоскует по усопшему. Считалось, что покойников вынуждают «ходить» оставшиеся окончательно не разорванными связи с живыми: сильная привязанность к человеку и тоска по любимым.

По всей видимости, появление призраков – явление психологическое, связанное с тоской от потери близкого, с желанием его вернуть, с невозможностью человека смириться с законами мира. Лирический герой, не осознавая, ищет «сквозь туман и ночи покрывало» окно для связи с погибшим товарищем: «...Светила Севера любезного искал» [3, с. 222]. Звезды становятся окнами в иной мир, это намек на присутствие второго мира и на возможную встречу с другом в будущем.

В.А. Жуковский в своем трактате «Нечто о приведениях», рассуждая о существовании привидений, видений, приходе мертвецов, выражает свое отношение к этому: «...что-то символическое приемлет характер вещественного, это дух происшествия, цельный образ чего-то сборного,

никакой личности не имеющего, это воздушная картина, соединяющая в одних рамках портреты, списанные кем-то с лиц...» [6]. По существу, Жуковский поднимает вопрос веры / неверия. Батюшков в элегии «Тень друга» вторит ему. Лирический конфликт элегии – вера и неверие в возвращение друга.

Изначально лирический герой пребывает в реальном мире, что подтверждается развернутым пейзажем. Место действия – «туманный Альбион» – отмечен знаком иного, чужого локуса («Я берег покидал...»). Время действия – вечер, ночь («...И сквозь туман и ночи покрывало...» [3, с. 222]). Обозначенное морское пространство создает впечатление «утяжеления» воды («...он в волнах свинцовых утопал...», 3, с. 222); неординарные звуки («тихий глас», «валов плесканье», «однообразный шум», «трепет парусов», «ветров шум» и др.) создают ощущение неясной тревоги. Наступающая ночь – время метаморфоз и трансформаций – ассоциируется с особым, сверхъестественным пространством.

Лирического героя постепенно «поглощает» акустика. Он оказывается в состоянии «сладкой задумчивости». Колыханье моря наводит «томное забвенье». Обозначенное состояние нарушается неожиданной встречей с умершим. Нет четкого обозначения сна, речь идет в данном случае не о сне как таковом, а о видении наяву – явлении товарища.

В само явление трудно поверить, ведь граница здешнего и потустороннего мира маркирована упоминанием о Гальционе: с одной стороны, материальная птица, с другой – воплощение души [1]. Инобытийность подчеркивается описанием водного пространства, приоткрывая иную действительность, не физическую, а метафизическую. Оппозиция яви и сна трактуется в народной традиции в категориях жизни и смерти, потустороннего, загробного мира. Человек как бы переступает невидимую границу двух миров и входит в непосредственный контакт с обитателем потустороннего мира. Сон оказывается тем пространством, на котором развертывается одностороннее общение и разыгрываются драматические отношения между живым и мертвым.

Возникающий вопрос («...то был ли сон?...») демонстрирует спор рассудка и души: «призрак» двоится. Противоречия души находят выражение в различной номинации явленного. В самой ситуации снотворческого состояния явленный по-разному обозначается: тень – призрак. В поэтике русской литературы эти явления неразрывно связаны между собой. В.А. Жуковский в своем трактате ставит в один ряд эти явления: «Бывают сны наяву, которые весьма близко подходят к тому, что мы назвали привидением» [6]. В справочной литературе понятие «призрак» разъясняет следующим образом: «1. Образ кого-чего-нибудь., представляющийся в воображении, видение, то, что мерещится. 2. перен. Вымысел, мираж, нечто кажущееся». Тень же, в свою очередь, в одном из своих значений трактуется как: «Призрак, воспроизведение чего-нибудь» [8, с. 624]. Таким образом, использование в стихотворении К. Батюшковым в подобной последовательности словообразов «тьень – призрак» говорит о том, что нечто обозримое трансформируется в «нечто кажущееся». Тем самым подпитывается неверие в происходящее.

В элегии «Тень друга» – пик эмоционального состояния: преодоление границы неодолимого, воссоздание живого облика друга. Прорисовывается цветущий облик: «...чело Глубоких ран не сохраняло, Как утро майское веселием цвело...» [3, с. 222-223] вопреки устрашающему разложению. Явление умершего перечеркивает бывшую реальность смерти / погребения.

В элегии представлены два разных пути ухода человека из этого мира: «роковой огонь», тень, ускользающая из него, и бледный труп, могила, похоронный обряд. Воспоминания о превентивных действиях в рамках погребального обряда лишают «милого друга, товарища лучших дней» физической возможности двигаться. Ведь целью системы ритуальных мер является оковывание, связывание, запираение покойника, водворение его в мир смерти (в могилу) [11]. «...Тень незабвенного! Ответствуй, милый брат!..» [3, с. 223] – призыв к диалогу – стремление удостовериться в реальности явленного, в мире, где звук материален. Следующий шаг – стремление к прикосновению, чтоб ощутить присутствие его в этом мире: «...Пускай рука моя, о, незабвенный друг! Твою с любовью сжимает...» [3, с. 223]. Но реально ощутить его присутствие невозможно, отклик, ответное слово невозможны. Безответность зова компенсируется мгновением духовного родства, устремленностью к единению, которые оказались возможны в поэтическом слове. Для Батюшкова явление тени друга, а также имя героя, начертанное на дереве дружеской рукой, символизирует знак вечной памяти о нем, живущей в душе: «...Но сладостный покой бежал моих очей, И все душа за призраком летела, Все гостя горнего остановить хотела...» [3, с. 223]. Душа поэта остается неудовлетворенной, тоска не угасает.

Отметим семантический ряд, связанный с образом явившейся Тени: это «горный дух», «горный гость». Христианское содержание образа «горный дух» прочитывается в контексте стихотворений, которые были написаны после возвращения поэта с войны. В послевоенной лирике Батюшкова обозначается вера в высшие силы Провидения. В стихотворении «Надежда» (1815) появляется обращение к Творцу, который «провел сквозь бурный пламень», в послании «К другу» (1815) «вера пролила спасительный елей в лампаду чистую надежды», в элегии «Умиравший Тасс» – обращение евангельским духовным ценностям. Можно предположить, что образ «горного духа», «небесный лик» друга, появившийся «в бездонной синеве сияющих небес», соотносится с усилением христианских мотивов в поэзии Батюшкова. Использование «горный дух» является наиболее адекватной формой присутствия друга в здешнем мире.

Особую смысловую нагрузку обретает последнее обращение к умершему другу в элегии – «...Тень незабвенного, ответствуй милый брат...» [3, с. 223], повторенное в конце – «...о милый брат, о лучший из друзей...» [3, с. 223], несомненно, актуализирующее христианский смысл связей между людьми, неумирающее единство всего человеческого рода.

Ритмичное чередование материализации (воспоминания о подвиге, гибели, погребении, бледный труп) и дематериализации заканчивается тем, что улетевший призрак возвратил героя к реальности.

Прочтение и понимание поэтического текста непосредственно связано с возможностью адекватного восприятия той сложной мифопоэтики, которая определяется не просто употреблением тех или иных слов, несущих в себе особый смысл, но и возможностью различных толкований, а также множественностью употребления в разных контекстах.

Батюшков переосмысливал по-своему мифологические сценарии и по-новому их преподносил читателю. Нельзя не заметить, что архетипические сюжеты становятся для него способом переосмыслить, понять, насколько его герои полны искренних чувств. Лирика Батюшкова – яркий пример трансформации и переосмысления архетипов.

Использованная литература

1. Азбукина А.В. Три степени символизации образа птицы (эмблема, знак, символ) в поэзии конца XVIII – начала XIX века / А.В. Азбукина // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: в 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 2. – С.141-143.

2. Альми И.Л. Стихотворение «Тень друга» в контексте элегической поэзии К.Н. Батюшкова / И.Л. Альми // К.Н. Батюшков. 1787–1987: Тез. докл. к науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения Константина Николаевича Батюшкова. – Вологда, 1987. – С. 26.

3. Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе / К.Н. Батюшков. – Москва: Наука, 1977. – 608 с. (Серия «Лит. памятники»).

4. Виноградов В.В. Стиль Пушкина / В.В. Виноградов. – Москва: ОГИЗ, 1941. – 621 с.

5. Виноградова Л.Н. Оппозиция «живой-мёртвый в фольклоре и народной культуре славян» / Л.Н. Виноградова // «Славянская Традиционная Культура и современный мир. Сб. материалов научной конференции. Вып.8. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005. – С. 95-106.

6. Жуковский В.А. Нечто о привидениях // Электронная библиотека bookz.ru [Электронный ресурс]. – URL: <http://bookz.ru/authors/jukovskii-vasilii/jukovv01/1-jukovv01.html> (дата обращения 11.04.2021).

7. Козубовская Г.П. Русская литература: миф и мифопоэтика: монография. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2006. – 324 с.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И.Ожегов [и др.]. – Москва: Оникс, 2010. – 1150с.

9. Ржига В. «Тень друга» К. Н. Батюшкова. – Памяти П. Н. Сакулина.: Сб. научных трудов. – Москва, 1931. – С. 239–241.

10. Семенко И.М. Поэты пушкинской поры. – Москва: Художественная литература, 1970. – 295 с.

11. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.

*А.А. Корниенко
Россия, г. Барнаул,
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель: к.филол.н., доцент О.А. Скубач*

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ Ю. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»

Аннотация

В предлагаемой работе гастрономические мотивы в романе Ю. Олеши «Зависть» рассматриваются в связи с системой персонажей романа и, в частности, с фигурой главного героя Николая Кавалерова. Акцент ставится на концепции инфантильности в психоаналитической теории З. Фрейда.

Ключевые слова: психоанализ, инфантилизм, детство, либидо, пища.

Исследуя роман Ю. Олеши «Зависть», невозможно не обратить внимания на преобладание детских мотивов в поведении главного героя романа, Николая Кавалерова. Данная работа направлена на рассмотрение самых показательных на наш взгляд мотивов — гастрономических. И, если мы говорим о природе детства и роли еды в жизни ребёнка, мы не можем обойти стороной психоаналитическую теорию Зигмунда Фрейда, являющуюся для данного исследования значимой методологической опорой.

Палитра работ, посвященных «Зависти», широка и включает в себя как классические работы [1; 7; 9], так и современные исследования [3; 4]. Олеша — относительно изученный автор. Есть работы, осуществляющие психоаналитический анализ его текстов, в том числе «Зависти»; есть работы, касающиеся гастрономических мотивов [2]. Тем не менее, перспективы исследования гастрономических мотивов с учётом психоаналитических подходов далеко не исчерпаны.

Следует начать со значимого фрагмента речи Юрия Олеши на первом съезде советских писателей в 1934 году:

«Шесть лет назад я написал роман «Зависть». Центральным персонажем этой повести был Николай Кавалеров. Мне говорили, что в Кавалерове есть много моего, что этот тип автобиографический, что Кавалеров – это я сам.

Да, Кавалеров смотрел на мир моими глазами. Краски, цвета, образы, сравнения, метафоры и умозаключения Кавалерова принадлежат мне. И это были наиболее свежие, наиболее яркие краски, которые я видел. Многие из них пришли из детства, были вынуты из самого заветного уголка, из ящика неповторимых наблюдений» [5, с. 57].